

Е. К. Созина

**«МЕЖДУ ЕВРОПОЙ И АЗИЕЙ». ОРИЕНТАЛИСТСКИЕ НАРРАТИВЫ
АЛЕКСАНДРЫ ФУКС: РИТОРИКА ПИСЬМА И ПОЗИЦИЯ АВТОРА**

В статье рассматриваются этнографические очерки и повести в стихах Александры Андреевны Фукс. Жительница Казани, она была женой известного профессора Карла Фукса, держала литературный салон, который посещали многие казанские и приезжие писатели и поэты; встречалась с Александром Пушкиным во время его пребывания в Казани. Александра Фукс стала первой в России писательницей-этнографом: она специально путешествовала по местам проживания чувашей, мари (черемисов), удмуртов (вотяков) и на основе личных наблюдений писала очерки о жизни, быте, нравах и обычаях этих народов. Ее очерки имели форму писем и нередко сопровождалась ответными письмами мужа. Они публиковались в казанском журнале «Заволжский муравей», в газете «Казанские губернские ведомости», а также выходили отдельными книгами. В статье анализируются риторические особенности очеркового письма Александры Фукс и ее авторская позиция. К анализу привлечены также этнобеллетристические повести (поэмы) А. Фукс, взятые, по ее словам, «из татарских преданий»: «Княжна Хабиба», «Основание города Казани», комментарий к которым писал ее муж. Произведения вписываются в традицию «восточной повести», популярной в России с XVIII в. Изображая экзотическую жизнь древних татар и соседних с Казанью народов, А. Фукс стремилась примирить восточную ориентацию края с православно-имперской идеологией как более передовой и прогрессивной (с ее точки зрения). Ее авторские симпатии были на стороне героинь-женщин, идущих вопреки традиционным мусульманским обычаям. Очерки и повести Александры Фукс сыграли немалую роль в пробуждении интереса российского читателя к народам империи, предшествуя всплеску этнографии в науке и литературе середины XIX века.

Ключевые слова: этнографические очерки, ориенталистская литература, Александра Фукс, нарративные стратегии, травелог, поэма, чуваша, черемисы, удмурты.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-465-475

В истории культуры России есть имена, мало известные широкой аудитории, теряющиеся среди более именитых и, быть может, художественно более одаренных писателей, поэтов, ученых. В литературоведении их принято называть «второстепенными» писателями, «обыкновенными талантами» и т. д. Однако вклад этих людей в литературу, в науку, а шире – в культуру своей страны оказывается порой неизмеримо значительнее их узкой, локальной известности. К ним следует отнести и Александру Андреевну Фукс (1805–1853), имя которой, безусловно, знакомо жителям Казани, но мало что говорит обитателям иных регионов. Александра Фукс была женой Карла Федоровича Фукса, профессора, в 1823–1827 гг. ректора Императорского Казанского университета, медика, ученого-натуралиста, этнографа, человека в высшей степени просвещенного и гуманного. Но и фигура Александры Андреевны, урожденной Апехтиной, для города и всего приволжского края не менее значима. Как племянница Г. П. Каменева, поэта, считающегося одним из родоначальников русского романтизма, она и сама писала стихи, повести. Во время пребывания А. С. Пушкина в Казани принимала его у себя и оставила записки о нем; сохранилась также ее переписка с поэтом¹. Свои стихи посвящали ей Н. М. Языков и Е. А. Баратынский. Как писал Е. А. Бобров, «Брак знаменитого ученого с умною и поэтической А. А. Апехтиною ... составил эпоху в истории Казани: в доме Фуксов образовался литературный салон, который держался четверть века, – беспримерное явление в истории русских провинций!» [Бобров 1904, июнь, 490]. Он же подчеркивал, что на беседы в доме Фуксов собирались «именно представители *местной* (курсив автора. – Е. С.) интеллигенции», и сами беседы носили не специально научный, а литературный характер, душой же собиравшегося общества была Александра Фукс – она прививала казанцам настоящий «культ литературы» [Там же]. В ее салоне постоянными посетителями были профессора и преподаватели университета (Г. Н. Городчанинов, И. М. Симонов, М. С. Рыбушкин); чиновники, интересовавшиеся литературой, местные и приезжие литераторы и поэты (Д. П. Ознобишин, Н. И. Второв, Ф. М. Рындов-

¹ Подробный рассказ о посещении дома Фуксов А. С. Пушкиным и последовавшей переписке Александры Андреевны с поэтом см.: [Бобров 1904, июнь]. Об А. А. Фукс и ее салоне, кроме статьи Е. Боброва, см. [Агафонов 1900; Алиев, Второв 1843; Тихонова 2015].

ский) и др. Следует добавить также ее участие в издании «Заволжского муравья» (1832–1834), первого частного литературно-художественного журнала в провинции (о нем см. [Пономарев 1878; Аристов, Ермолаева 1975, 43–72; Аристов 1991; Созина 2016]. Литературный салон А. Фукс и ее саму как заводилу и организатора можно считать ядром казанского культурного гнезда второй половины 1820–1840-х гг., о важности которого для развития провинции уже в XX в. писал Н. К. Пиксанов [Пиксанов 1928, 33–42].

Кроме художественных произведений А. А. Фукс стала автором этнографических очерков – по сути, первой женщиной-этнографом в России. Этнографический характер имеют и две ее повести: «Основание города Казани. Повесть в стихах, взятая из татарских преданий» (Казань, 1836), и «Княжна Хибиба. Повесть в стихах, взятая из татарских преданий» (1840). Объектом нашего внимания станут очерки «Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии», «Поездка к вотякам Казанской губернии» и две упомянутые повести².

Как известно, восточная повесть и ориенталистские симпатии литературы в целом стали востребованы в отечественной словесности еще в последней трети XVIII в.; увлечение Востоком продолжилось и на протяжении всего XIX в. Думается, не стоит приводить здесь широко известные высказывания Э. Саида, касающиеся европейского ориентализма; достаточно сказать, что русский ориентализм развивался в связи с ростом имперских амбиций России, но содержательно был весьма отличен от европейского, имея более мягкий, более гуманный и демократичный характер³. Восточные интересы Казанской губернии поощрялись тем, что в ее состав входила огромная территория и масса народов, живущих в Поволжье и Прикамье. Именно на пограничный статус своего региона делала ставку редакция журнала «Заволжский муравей». Его редакторы-издатели М. В. Полиновский и М. С. Рыбушкин ставили перед собой задачу осветить, насколько это возможно, жизнь всей Восточной России, или Заволжского края, простиравшегося «от Волги до Камчатки» [Пономарев 1878, 181]. «... Университет Казанский в рассуждении местного положения своего находится как бы в *средоточии между Европою и Азией* (курсив автора. – Е. С.) и составляющие округ его губернии населены *народами Востока...*» [Рыбушкин 1833, 962], – указывалось в одной из статей, отчего, собственно, и была учреждена в университете кафедра восточных языков.

Александру Фукс можно считать одной из первых описателей жизни, быта и нравов ряда приволжских народов. Она сама неоднократно ездила по чувашским, черемисским и вотяцким деревням, по сути совершала настоящие полевые исследования. Этнографические очерки ее о поездке к чувашам в 1834 г. публиковались в журнале, а в 1840 г. вышли отдельной книгой, получив несколько положительных рецензий. П. И. Шаликов отмечал достоинства книги как «первого опыта г-жи Фукс ... на поприще фольклора и этнографии поволжских инородцев»⁴, писали о ней и другие авторы. Очерки Ал. Фукс укладываются в нациестроительскую парадигму отечественной словесности, актуальную для всего XIX в., в ее русле ближе к середине века усиленно начинает развиваться и этнография, поощряемая и университетскими учеными, и редакциями журналов. Тогда же разворачивается деятельность Русского географического общества, издававшего с 1851 г. свои журналы с публикациями материалов многочисленных сотрудников, членов общества, по специальной анкете опрашивавших народ и запечатлевавших уходящие пласты народной культуры. 1830–40-е гг. в этом плане можно считать переходным этапом, к исходу которого простой, что называется, обывательский, а равно литературный интерес к разноликим и разноформатным краям и областям империи начинает обретать профессиональный характер. Записки А. Фукс восполняли существенный пробел в изучении нерусских народов, поскольку славянофильски ориентированные журналы (в частности, «Московитянин») настаивали в первую очередь на необходимости изучения быта и нравов русского («великорусского») народа. Об этом же писал Н. И. Надеждин в статье 1847 г. «Об этнографическом изучении народности русской» (первоначально прочитанной в виде доклада на заседании РГО в 1846 г., см. об этом [Соловей 1994]). Противоположную позицию – этнографии не нации («народности», как писал Надеждин), а империи – занимал немецкий (по происхождению) ученый Карл Бэр, также один из основателей РГО, немало путешество-

² Наследие А. А. Фукс не ограничивается названными произведениями. Известны и другие: *Фукс А.* Стихотворения. Казань, 1834; *Фукс А.* Царевна Несмеяна, народная сказка, переложенная в стихи для десятилетнего читателя Павла Александровича Жмакина. Казань, 1838; *Фукс А.* Она похудела. Комедия-водевиль в трех действиях. Казань, 1837. Кроме того, в рукописи остался исторический роман «Зюлима, или Пугачев в Казани».

³ См. дискуссию о «русском ориентализме» и книге Саида (статьи А. Халида, Н. Найта, М. Тодоровой): [Российская империя... 2005, 310–359].

⁴ Рецензия была помещена в «Московских ведомостях» 1834 г. Цит. по: [Бобров 1904, июль, 26].

вавший по России и полагавший, что следует изучать все народности империи, включая неславянские, пока они еще сохранили свою самобытность [см.: Найт 2005, 155–198]. В общественном сознании более влиятельной оказалась позиция Надеждина, однако этнография иных народов России также пробивала себе дорогу, поскольку так называемые «инородцы» были непосредственными соседями русских на протяжении веков. Этнографические исследования финноугорских народов, начатые в XVIII столетии в русле академических экспедиций Ф. Й. Страленберга, Г. Ф. Миллера, И. Г. Георги, П. С. Палласа, с началом XIX в. были продолжены финскими и венгерскими учеными, искавшими на территории России (главным образом – Урало-Поволжья) свою прародину и родственные народы (экспедиции М. А. Кастрена, А. И. Шёгрена, Ф. И. Видемана). «Рассказ ученого о предпринятом путешествии, отраженный в путевом журнале, личном дневнике или письме, становится важнейшим носителем научной информации, однако в отличие от полевых текстов предыдущей эпохи, записи исследователя-романтика фиксируют не только эмпирическую составляющую пройденного пути, но и нередко становятся своеобразным погружением в вымышленную реальность истории, легенд и фантазий», – пишет современный исследователь [Загребин 2006, 176].

Нам неизвестно, был ли знаком с К. Бэрм К. Ф. Фукс, в немалой степени интересовавшийся состоянием окружавших Казань народностей, но именно такие, как он и его жена, любители этнографии и собиратели народных артефактов «на местах», оказывали неоценимую помощь развитию науки. А. А. Фукс не раз подчеркивала направляющую роль мужа в ее путешествиях к чувашам, черемисам, вотякам⁵ и исполняла принятые ею функции практикующего этнографа весьма добросовестно, нигде не путая наблюдаемую жизнь чужих племен со своим вымыслом. В записках о путешествиях она последовательно описывает встречи с представителями посещаемых народов, их бытовые привычки и обычаи, обряды, свидетелем которых ей довелось быть (поминки, моление за урожай у чувашей, свадьба у чувашей и вотяков и т. д.), праздники (главным образом, со слов опрошиваемых реципиентов), по возможности подробно останавливается на их религии – характерном для язычников политеизме; наконец, дает некоторые сведения об их языке и краткий словарь. В конце заметок о чувашах приводился перевод молитвы «Отче наш» на чувашский язык, а в одном из номеров «Заволжского муравья» публиковался перевод чувашских песен Д. П. Ознобишиным⁶, введенный затем в книгу. Понятно, что очерки А. Фукс оказались не свободны от ряда проявлений своего рода бытового и культурного этноцентризма, свойственного заметкам и запискам русских и европейских путешественников издавна и не вполне ушедшего даже и в XX веке. Позиция автора записок, выраженная в повествовании, наряду с некоторыми особенностями их построения, и будет интересовать нас далее: своего рода риторика ее письма, окрашивающая этнографические описания и позволяющая понять, как автор воспринимает описываемый мир. Анализ же *содержания* этнографических наблюдений и описаний А. Фукс мы оставляем специалисту-этнологу.

В записках А. Фукс соединились две жанровые формы, характерные для текстов подобного рода, и две формы повествования: эпистолярная (а повесть в письмах, роман в письмах были популярны в Европе и России, начиная с XVII в.) и тревеложная (записки о путешествии), причем та и другая имеют сугубо личный характер и несут отчетливый дневниковый отпечаток, поскольку письма А. Фукс снабжены календарными датами и географическими метками: «Чебоксары, 7 октября», «Новинск, 19 октября» и т. д. Они открыто эмоциональны, изобилуют обращениями жены к мужу, в них есть и передача дорожных впечатлений, и небольшие воспоминания автора о родительской семье, и, что составляло их главный предмет, – описание всего того, что удалось увидеть и зафиксировать автору при наблюдении жизни людей другой народности. Поэтому можно сказать, что в жанре свободных записок путешественника в произведении Фукс рождается этнографическая проза, с середины века занимающая страницы многих российских журналов.

Первые этнографические путешествия А. Фукс совершала в край чувашей, наиболее ей знакомый, поскольку она сама была родом из Чебоксар. По следам поездки практически сразу в «Заволжском муравье» публиковались ее очерки-письма; позднее, в 1840 г., была издана книга⁷. Письма жены к мужу, дающему ей определенные задания по изучению чувашей, сопровождалась письмами самого

⁵ Здесь и далее мы сохраняем формы названия народов, принятые в русскоязычной культуре прошедших веков и используемые А. А. Фукс. Черемисы – марийцы, вотяки – удмурты.

⁶ См.: *Ознобишин [Д. П.] Чувашская песня // Заволжский муравей. 1833. № 21. С. 1204–1208 (на чуваш. и рус. яз.)*.

⁷ Текст записок цит. нами по книге [Фукс 1840]. Журнальные публикации см.: *Фукс А. А., Фукс К. Ф. Поездка из Казани в Чебоксары // ЗМ. 1834. № 1. С. 39–50; № 2. С. 90–101; № 3. С. 154–170; № 4. С. 211–224; № 5. С. 271–287; № 6. С. 348–362; № 8. С. 454–467; № 9. С. 41–50; № 10. С. 102–121; № 11. С. 166–175.*

Карла Фукса, где он комментирует наблюдения жены, дополняет их, дает историографические справки и пр. Образуется диалогическая структура текста, более очевидная при публикации записок в журнале, где письмо Фукса шло вслед за соответствующим письмом жены, ее эмоциональность и большая впечатлительность уравновешивались, а зачастую снимались мужской рассудительностью и опорой доктора на изученную литературу. В позднейшей публикации записок в книжном формате письма жены составили первую часть, письма мужа – вторую, и композиционная диалогичность ушла, хотя сама адресность текстов А. Фукс сохранилась, как и ее постоянная оглядка на мнение супруга. В этом плане записки А. Фукс сопоставимы с литературными (фикциональными) произведениями более ранних эпох – эпистолярными романами С. Ричардсона и Ж. Ж. Руссо как классиков жанра, и более поздними произведениями отечественных авторов: романом Ф. М. Достоевского «Бедные люди», повестями И. С. Тургенева («Переписка», «Фауст») и пр., – являясь предшественниками последних. Собственно же свободная форма записок путешественника, объединенных с письмами, ведет нас к «Путешествию из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева и «Письмам русского путешественника» Н. М. Карамзина.

Согласно исследованию О. Б. Лебедевой, в повествовании и Радищева, и Карамзина скрещиваются три стилевых пласта, или три нарративных традиции: описательно-очерковая, субъективно-эмоциональная (сентиментализм) и аналитико-идеологическая (просветительская) [Лебедева 2006]. Все три стратегии мы встречаем в письмах А. Фукс, причем завязка повествования – это обычно эмоциональная реакция рассказчицы на происходящее с ней или увиденное, тут же сменяемая доводом рассудка; например: «Как мне было несносно расстаться с вами, милые друзья мои. Кажется, двухнедельная разлука не очень продолжительна, но мне так грустно, так скучно, как будто бы я рассталась с вами на год. Сердце женское, особенно материнское, никуда не годится; с ним ничего не сделаешь: тоскует, да и только. Я воображаю, что мое описание чуваш будет очень жалкое. Может быть, я принимаюсь не за свое дело; но я решилась, дала тебе обещание, и исполняю его с удовольствием. Правду сказать, пора уже перестать забавлять многих своими стихами и водевилями; надобно что-нибудь написать и для людей серьезных» [Фукс 1840, 1]. Педальирование эмоции самой рассказчицей объясняется природой ее «женского сердца», с ним контрастирует самолюбие автора, желающего что-то написать «и для людей серьезных», т. е. подвизающегося на научном поприще, подобно ее мужу. Однако далее мы наблюдаем реализацию в нарративе органичной для путешественников и утвердившейся еще у Радищева сенсуалистской структуры познания и, соответственно, описания: ощущение – эмоция – аналитическая мысль. Вот пример из того же начала записок: «Как мне вчера было досадно, что я не могла вечером переехать Волгу и должна была ночевать на берегу; и сего дня рано переправилась при большом ветре. Переехав Волгу, я пустилась в путь с намерением кормить лошадей на станции, там отдохнуть и отобедать в хорошей комнате; но моему кучеру рассудилось ехать далее, и он меня привез в Липовую деревню к моему старому знакомцу, чувашину. Я очень досадовала входя в запачканную избу; но через четверть часа сказала, что нет худа без добра: я сверх ожидания могла здесь описать две чувашские пирушки, на которых присутствовала, как первая гостья» [Фукс 1840, 2].

Познавательная-аналитическая установка на изучение народа и возможно более объективное и достоверное отражение его жизни, быта, характеров и обычаев постоянно соперничает в тексте Ал. Фукс с авторской эмоциональностью – женской чувствительностью, но сама эта чувствительность (эмоциональная и сенсорная), проявляющаяся в повышенной экспрессивности письма, является зачастую сигналом чуждости увиденных рассказчицей картин другой жизни, их несовпадения с ее представлениями о должном и нужном. Причем ее собственная реакция на эти события возникает двоякого рода: либо отстранение от картины, запрет на свое наблюдение, либо всё-таки попытка разобраться и понять, осуществив сопоставление с тем, что известно и входит в культурный фонд. Отстранение и дистанцирование вызывается обычно этическими или же чисто бытовыми установками рассказчицы: несовпадением ее культурных норм – и поведения, особенностей жизни наблюдаемых людей, чувашей или черемисов. Подобно многим путешественникам, она отмечает неряшливость чувашей и с трудом заставляя себя пригубить их питье на празднике, а в силу этого устойчивого в ту пору стереотипа о нечистоплотности нерусских народностей с некоторым даже удивлением отмечает чистоту жилища молодой хозяйки в дер. Липовой. Всего неприятнее ей поведение народа во время праздников, когда совершаются обильные возлияния. Так, она подробно и достаточно объективно, в нейтральном очерково-информативном тоне описывает чувашский обычай поминовения усопших, а затем сообщает, что «началась ужаснейшая попойка», «сборище чуваш походило на что-то неистовое», всего отвратительнее ей кажутся женщины, которые начали плясать и делать «разные отвратительные непристойности»

[Фукс 1840, 16]. Аналогичный выход рассказчицы из ситуации этнографического наблюдения мы видим при описании поминок черемисов: «...Потом опять возвратились в анбарушку, и тут-то началось веселье: явились гусли, пузыри, гудок, начали пить и плясать, и бесновались до восхождения солнца. Я велела заложить коляску и отправилась домой» [Фукс 1840, 208–209]. О вотяхках: «Празднество их состоит в беспрестанном питье кумышки и пива, и они, посещая друг друга, напиваются до пьяна» [Фукс, 1844, № 17, 260]. Обобщая эти черты народного быта, А. Фукс не может не отметить влияния русских соседей: «Любимый их напиток – дурно приготовленная кумышка и пиво, но они также страстно любят и русское вино. <...> Шумную и несносную масленицу все эти народы празднуют, или лучше сказать, пьянствуют преусердно ... с русскими и по-русски» [Фукс, 1844, № 17, 264]. Из состояния «наивного этноцентризма»⁸ А. Фукс отчасти выходит, когда она, изначально приняв дружость чувашей или черемисов, фиксирует их обычаи, праздничные или повседневные обряды, беседует с Йомсой и другими проводниками, опрашивает «информантов» и пр., т. е. выступает в заведомо отстраненной позиции исследователя, чья личность в этом случае остается неприкосновенной.

Так происходит при записи ею религиозных и мифологических воззрений чувашей, черемисов, затем вотяков, при ответах на вопросы мужа о природных и социальных особенностях жизни народа, т. е. когда требовалось применить рациональное мышление и логику, а не вживаться в чужую культуру. Здесь А. Фукс, подобно многим, следует путем аналогии: она сравнивает чувашский или черемисский быт с русским либо татарским, особенно в том, что касается обрядов и обычаев: «Чувашская свадьба так забавна, что русские и татарские ничего не значат перед нею» [Фукс 1840, 62], «Чуваши награждают своих дочерей лучше русских крестьян» [Фукс 1840, 69], «Черемисские свадьбы мне не понравились: они гораздо хуже чувашских, даже неприятно смотреть» [Фукс 1840, 222], «Вотяцкие избы, как черемисские и чувашские, выстроены на дворе и также с несколькими анбарушками, но устройство их двора и служб похоже на русское. <...> Внутри избы похожи на татарские» [Фукс 1844, № 14, 213] и т. д. Стремясь понять религию и мифологию своих волжских соседей, она проводит параллели с древними народами: «Я теперь немного поняла чувашскую мифологию; у них, как у греков (здесь и далее курсив наш. – Е. С.), над всем есть бог» [Фукс 1840, 75], «...их богословие так же многобожно, как у греков и римлян» [Фукс 1840, 92], «Чуваши имеют большое уважение к мертвым, потому что они уверены, как египтяне, что мертвые имеют между собой сношение...» [Фукс 1840, 78], «...я тотчас вспомнила твое (мужа. – Е. С.) мнение, что религии всех этих народов есть искаженный суеверием и временем отпечаток первоначальных обрядов *ветхого завета*» [Фукс 1840, 28]. Причем, несмотря на чисто рационалистический (в духе Просвещения) подход к религии и обрядам других народов как исполненным суеверия, их жизнь для А. Фукс хранит в себе тайну, которую она стремится разгадать: «Чувашин обещал ничего от меня не скрывать, а исполнять все обряды по старой, как они называют, вере своей. <...> его дружба с моей старостихой, а главное, что он имеет во мне надобность, доставляют мне случай узнать их тайну» [Фукс 1840, 49]⁹. Личное чувство христианки при познании А. Фукс чужой веры проявляет себя не в возмущении, а в спокойном удивлении перед «другим», языческим началом: «Не понимая Бога, они ищут его не только во всякой стихии, но даже в лесу, на дороге, на всяком перекрестке, во всяком углу избы своей, в анбарушках» [Фукс 1840, 92], «Как странно! У всякого бога есть мать; я спрашивала: кто отец? Они не знают» [Фукс 1840, 93]. В селе Большие Лызи она знакомится с некрещеными вотяками и отмечает, что, хотя по внешнему виду они такие же, как и крещеные, но «взгляд у некрещеных вотяков имеет в себе что-то необыкновенное, дикое и беспокойное...» [Фукс 1844, № 16, 242], но тут же переходит к описанию их одежды, головных уборов и пр., избегая комментировать «дикий» взгляд этих людей.

Сочетание эмоционально-сентименталистской стилистики нарратива с очерковым и аналитическим началом, указанное выше, ярко проявляется в том, как рассказчица относится к самим чувашам, черемисам, вотякам. «Мои друзья чуваша», «простой и кроткий народ» [Фукс 1840, 36], – неоднократно отмечает она. Восхищается горными черемисами – их хозяйственностью, умом, внешним видом: «Какой крупный, красивый народ! <...> Горные черемисы, не имея близко леса и никаких удобств к промышленности, кроме хлебопашества, как зажиточны, как хорошо обустроены!» [Фукс

⁸ Наивный этноцентризм – склонность «видеть других людей с точки зрения собственных культурных категорий» [Эриксен 2014, 80].

⁹ В ответ К. Ф. Фукс пишет: «Я умею ценить этот труд, зная, какие препятствия представляются путешественнику, желающему проникнуть в тайны домашней, а еще более религиозной жизни сего полудикого народа» [Фукс 1840, 117].

1840, 258, 263]¹⁰. Жалует о расставании с вотяками, к которым успела привыкнуть: «Добрые люди! <...> Прежние писатели утверждают, что все вообще вотяки глупы, но это несправедливо...», впечатление это идет от их «робости и неловкости» [Фукс 1844. № 22, 339]. В то же время ситуативно «малые народы» для нее нередко оказываются «полудикарями» и «детьми природы»: «Когда я спросила чувашина: “Кто их Бог?” – “Не знай, мачка”. – “Где он?” – На небе, отвечал полудикарь» [Фукс 1840, 49]. «Они также мало понимают свою веру, как и христианскую. Об них можно сказать, что они от своего отстали, а к нашему не пристали» [Фукс 1840, 49], – делает вывод рассказчица. О промежуточном состоянии финноугорских народов России – между язычеством и христианством – писали многие путешественники и этнографы в течение всего XIX века. «Нельзя чуваш назвать вовсе дикими, однако можно решительно сказать, что они дети природы...» [Фукс 1840, 57]. Следует, однако, признать, что в очерках о вотяках 1844 г. эти определения уже не встречаются.

Дикарями считала т. н. «первобытные народы» просветительская культура. Как пишет Ю. Слёзкин, в сентиментальную и романтическую эпохи произошло «перевоплощение бывших дикарей в детей природы» [Слезкин 2008, 96], так что в нарративе А. Фукс мы наблюдаем совмещение той и другой традиций. Аналогичным образом можно оценить ее использование метода аналогии при попытке понять и объяснить характер верований чувашей и др. (сравнение с египетской и греческой религией) – это наследие предыдущей эпохи в развитии науки постепенно уступает место описанию, фиксации фактов и деталей при личном наблюдении и восприятии обычаев и обрядов народа. На свое наблюдение и передачу личных впечатлений А. Фукс была настроена решительно и неоднократно заявляла об этом в записках: «...видеть всё своими глазами и сообщить тебе» [Фукс 1840, 55], «...ни одной минуты не проходит даром, и всё стараюсь видеть сама» [Фукс 1840, 51] и т. д. Хотя в последней поездке к вотякам, состоявшейся, судя по авторскому указанию, в 1841 г., она сама сетует, что ее исследовательский пыл уже несколько угасает. Ее первое письмо о путешествии к вотякам открывается элегическим пассажем, в котором, однако, можно усмотреть не дань традиции, а признание «биографического автора» в своей телесной слабости: «Вот наконец и я начинаю испытывать и верить, что лета расстраивают душу и тело, и даже кладут холодную, свинцовую печать на воображение. Лет восемь назад, когда я разъезжала по чувашам и черемисам, я была женщиной-героем: не боялась ни усталости, ни ненастья... Теперь я вовсе ни на что не похожа: дорога, давно уже мне известная, меня не занимала, несносный жар с пылью меня задушили и я, закрывшись, думала, как бы скорее доехать до места» [Фукс 1844, № 14, 209]. А о том, что А. Фукс учитывала литературную традицию, говорит, например, ее отсылка в дальнейшем повествовании: «Как охотно бывало я описывала природу! Теперь всё так же прекрасно, всё так же величественно восхождение солнца... а мне писать лень до невозможности; видно, не быть мне больше сентиментальной путешественницей!» [Фукс 1844, № 16, 244]. Однако те записки, где речь шла о содержании ее этнографической «миссии», Ал. Фукс делала исправно. В последней части записок о вотяках, рассказав об их внешнем виде, упомянув самоназвание народа («ут-морт, т. е. вот человек»), она деловито сообщает: «Теперь мне следовало бы сказать что-либо об истории вотяков, но она очень темна и запутана. И потому я предоставляю тебе самому делать об них подобные разыскания. Мое дело пока кончено, и я прощаюсь с моими добрыми вотяками...» [Фукс 1844, № 29, 432]. Действительно, все комментарии об исторической жизни народов, к которым ездила Ал. Фукс, делал ее муж; этому правилу супруги не изменяли и при публикации ее беллетристических произведений.

Этнографические интересы Ал. Фукс проявились также при создании ею литературных, т. е. отчасти вымышленных, повестей, имеющих фольклорно-историческую основу – «татарские предания». В повести «Основание города Казани» предисловие к стихотворному тексту жены написал Карл Фукс: дал историю возникновения города, а затем пересказал легенду, которую положила в основу своего произведения Александра Андреевна. Для предисловия Фукса характерна чисто просветительская установка – отталкивание от «мрака» невежества и предрассудков, стремление осветить этот мрак «здра-

¹⁰ Совершенно противоположным образом описывал черемисов К. Ф. Фукс, ср., напр.: «Как можно найти удовольствие жить среди Царевкокошайских лесов, между полудикими людьми? Они так же отвратительны, как и болотистые леса, где живут. С душевным беспокойством смотрю я на эту несчастную орду, представляя их невежество и суеверие, склонность их к пьянству, весьма слабое их телосложение...» [Фукс 1840, 267]. Бедное положение черемисов и их физическую слабость в духе тогдашней науки профессор объяснял их жизнью среди лесов и болот. Сравнивая татар, черемисов и русских, он делал вывод, что наиболее жизнеспособным является русский народ, у него и наибольший прирост населения.

вою исторической критикой», а также полиэтническое, имперское сознание, в котором спокойно уживаются разные этнотопы (в одном ряду упоминаются греческие монастыри, татарские минареты и армянские могильные камни). Как герой-путешественник он беседует с русским хозяином (национальность фиксируется) о древней истории края, где проживали болгары, которых затем сменили татары. На болгарское прошлое наслаиваются последующие века «былого», рассказчик «блуждал между русской церковью и весьма древним высоким татарским минаретом, по развалинам этой некогда богатой и грозной столицы Заволжского края» [Фукс 1836, IV]. Встреча русской церкви с татарским минаретом может служить своего рода эмблемой истории этой земли и ее восприятия как в прошлом, так, думается, и в сегодняшние дни. В конце концов эгегические эмоции «былого», испытываемые рассказчиком Карла Фукса, отступают перед историческим дискурсом; русские летописи, по его мнению, «гораздо точнее и полнее» татарских хроник, их он и использует в качестве источника.

Сюжет стихотворной повести А. Фукс следует логике предания об основании города Казани, согласно которому город был перенесен на нынешнее место благодаря настойчивым просьбам некоей девушки, уставшей ходить по воду с крутого берега реки Казанки и осмелившейся заявить свое недовольство перед царем. Повесть весьма пространна, вводится любовная история героини и царского сына Селима, но автор сосредотачивает свое внимание на образе главной героини, привлекающей его своей независимостью и душевной силой: «Поверь, тебя душевно жаль, / И я делю с тобой печаль. / Ты мне, Фатима, не чужая, / Моя землячка и родная...» [Фукс 1836, 54]. Позиция автора достаточно определена: она ценит, любит и знает историю своего края и города, признает татарские обычаи, определяющие жизнь ее героини, но подвергает их критической оценке, причем именно те, что ограничивают свободу и развитие женщины, которая «с возвышенной душою» осуждена «Влачить свои младые дни / <...> Всё слышать чтение Алькорана / И заунывнейший напев. / Известен ведь закон Востока, / Как участь женщин там жестока, / И как ужасен жребий дев; / Им нега вечная подруга; / Один калым дает супруга, / Любовь у них законный долг; / До дел семейных нет им нужды, / Они всех чувств нежнейших чужды, / Наряд богатый – их восторг, / Зидан соболий – восхищенье» [Фукс 1836, 20]. Фатима не соответствует облику робкой и послушной восточной девы, чем и вызывает восхищение автора. Ее отличаются смелость и дерзкий нрав: «Так смело ропщет на царей, / Что поселились неудобно, / И даже в горести своей / Порочит хана Алибека» [Фукс 1836, 33]. Будучи приведена к хану, она и ему твердит о своей правде, призывая перенести город на более удобное место: «Ты любишь подданных своих, / Так ты радей о благе их» [Фукс 1836, 48]; на Казанке она кричит на царя: «Мне смерть от вас определенье, / Для блага родины моей, / Мне дайте тысячу смертей!» [Фукс 1836, 52].

Образ татарской героини создан воображением А. Фукс, предание используется как исходная фабульная основа, на которой разворачивается сюжет независимой любви молодых людей и, так сказать, гражданского неповиновения Фатимы традиции. По-видимому, жоржзандизм 30-х гг. и начавшееся в России феминистское движение не прошли мимо казанской писательницы. Активный характер героини А. Фукс отвечал духу времени, но в романтизме тех лет встречался не часто (почему и имели такое колоссальное значение для Европы и России произведения упомянутой Ж. Санд).

В финале повести возлюбленный Фатимы Селим, счастливо избегнув предполагаемой гибели как строительной жертвы, совершает победу над страшным змеем Зилантом, которому хотели отдать на заклятие девушку. А. Фукс использует здесь популярный сюжетный мотив сказаний, житий и древнерусских повестей о победе св. Георгия над змеем и спасении девицы (чудо Георгия о змие), тогда как в татарском предании, пересказанном Фуксом, змей погибает «посредством заклинаний волшебника Хакима» [Фукс 1836, XXXIV]. Трансформация предания в сторону христианского, а вместе с тем более романического и романтического мотива также свидетельствует об определенных литературных и идеологических симпатиях автора. Более прогрессивным, учитывающим частные интересы и желания людей видится автору правление русского царя, соблюдение русских, христианских, а не магометанских законов: «К чему роптать: мы торжествуем, / Всевышнего благодаря, / Живем в Казани и ликуем / Под скиптром Русского Царя» [Фукс 1836, 127].

В том же русле написана вторая повесть А. Фукс на национальном материале – «Княжна Хабиба», также «взятая из татарских преданий». Она исполнена духа романтических повестей и поэм первой трети XIX в. и рассказывает о любви татарской княжны Хабибы и русского казака Виктора: фабула, частая в романтических ориенталистских повестях 1820–30-х гг. Правда, в них русский герой, казак, солдат или офицер, обычно попадает в плен к кавказцам или степным «киргизам», где его буквально спасает любовь девушки, чаще всего дочери влиятельного хана (как писал еще В. М. Жирмунский, эти поэмы создавались по следам «Кавказского пленника» А. С. Пушкина [Жирмунский 1978, 239–255]).

А. Фукс в силу иной локальной традиции меняет фабульную основу. Хабибу любит воинственный киргиз-кайсацкий хан Искандыр, ее родители дают согласие на их брак, однако Хабиба убегает в лагерь казаков к Виктору, принимает там христианство и готовится к свадьбе. Их настигает Искандыр, убивает Виктора, а увидев крест на груди Хабибы, в ужасе удаляется. Хабиба же находит свой конец в водах реки. Автор сочувствует всем трем героям своей повести как героям любящим; так, в наиболее романтической стилистике изображается образ киргизского хана: Искандыр страдает, тоскует по Хабибе, «Сраженья шум он разлюбил ... Ему на ум нейдет война» [Фукс 1841, 52]. Отдаленно герой напоминает пушкинского хана Гирея из «Бахчисарайского фонтана»; возможно, оттуда же взята и схема любовного треугольника (у Пушкина две девы вокруг Гирея, у Ал. Фукс два воина вокруг татарской княжны), а также героя поэмы А. Крюкова «Каратай», публиковавшейся в «Вестнике Европы» в 1825 г. [см. Прокофьева 2014]. Байронический характер героя поэмы и пыталась воссоздать Ал. Фукс в своем киргизском хане, однако бедность сюжетных мотивировок, доминанта описательности над действием, склонность автора к дидактизму, словесная избыточность – всё это в совокупности препятствует ее успеху. Сюжетно-стилистическую фактурность романтической поэмы Ал. Фукс ставит на службу прозрачной идеологеме – православный крест торжествует над магометанским полумесяцем (ср. в поэме Пушкина: «Над ним (фонтаном. – Е. С.) крестом осенена / Магометанская луна»), прогресс неостановим и проникает даже в татарские дворцы: Хабиба еще до всех драматических событий «любила русские беседы» и, в нарушение обычая, встречала гостей без покрывала.

Творчество А. Фукс интересно в разных аспектах, заслуживают внимания и ее стихи, и повести, где она представила женские варианты фабулистики романтической поэмы. Сама писательница отличалась активной жизненной позицией – таковы и ее героини. Но более всего ей удавались прозаические очерки, написанные в свободной дневниковой манере эпистолярного и травелогового письма. Немаловажен своего рода «местный» патриотизм Ал. Фукс. Так, по итогам своей поездки в Москву еще в 1833 г. она писала: «Москва величественна, огромна, удивительна. Сколько в ней занимательного и важного для путешественника, сколько старины, любезной и драгоценной для сердца русского! Проживешь в ней год и всякий день найдешь что-нибудь любопытного. Москву называют матерью России. Название справедливое! Но я никак не хотела бы жить в объятьях этой маменьки. Ужасная громада камней рождает в душе какое-то уныние, а узкие улицы сжимают сердце. Сады, дачи – всё искусственное. Можно здесь совсем раззнакомиться с природой» [Фукс 1833, 832].

ЛИТЕРАТУРА

- Агафонов Б.* Казанские поэты // Исторический вестник. 1900. № 8. С. 586–598.
- Алиев И. А. А.* А. Фукс (Апехтина). Ч. 1, 2 // Немецкий дом республики Татарстан. Режим доступа URL <https://www.nd-rt.ru/2010/05/25/a-a-fuks-apextina-chast-i/>, <https://www.nd-rt.ru/2010/05/26/a-a-fuks-apextina-chast-ii/> (дата обращения 20.12.2019)
- Аристов В., Ермолаева Н.* Все началось с путеводителя...: поиски литературные и исторические. Казань: изд-во Казанского ун-та, 1975. 220 с.
- Аристов В. В.* Журнал «Заволжский муравей» и его авторы // Казанская периодическая печать XIX – начала XX века: библиогр. указатели. Казань: изд-во Казанского ун-та, 1991. С. 5–18.
- Бобров Е. А.* А. Фукс и казанские литераторы 30–40-х годов // Русская старина. 1904. Июнь. С. 482–509; т. 119, июль – август – сентябрь. С. 5–35.
- [*Второв Н. И.*] Литературный вечер в доме К. Ф. Фукса // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1843. № 48.
- [*Второв Н. И.*] Второй литературный вечер в доме К. Ф. Фукса // Казанские губернские ведомости. Часть неофициальная. 1843. № 50.
- Жирмунский В. М.* Байрон и Пушкин. Л.: Наука, 1978. 424 с.
- Загребин А. Е.* Финно-угорские этнографические исследования в России: (XVIII – первая половина XIX в.): [монография]. Ижевск: Удмуртский институт истории, языка и литературы Уральского отделения Российской академии наук, 2006. 321 с.
- Лебедева О. Б.* Нарративная структура «Писем русского путешественника» в свете национальной повествовательной традиции // Карамзин и время. Томск: изд-во Томского ун-та, 2006. С. 37–58.
- Найт Н.* Наука, империя и народность: Этнография в Русском географическом обществе, 1845–1855 // Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология / авт.-сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М.: Новое изд-во, 2005. С. 155–198.
- Пиксанов Н. К.* Областные культурные гнезда: Историко-краеведный семинар. М.; Л.: Гос.издат., 1928. 148 с.

Пономарев П. А. Казанская периодическая пресса. «Заволжский муравей» // Казанский литературный сборник. 1878. Казань: тип. М. А. Гладышевой, 1878. С. 177–222.

Прокофьева А. Г. Оренбургские мотивы в творчестве поэта начала XIX в. А. П. Крюкова // В мире науки и искусства: вопросы филологии, искусствоведения и культурологии: сб. ст. по материалам XXXIII междунар. науч.-практ. конф. № 2 (33). Часть II. Новосибирск: «Сибак», 2014. С. 94–99.

Российская империя в зарубежной историографии. Работы последних лет: антология. / авт.-сост. П. Верт, П. С. Кабытов, А. И. Миллер. М.: Новое изд-во, 2005. 695 с.

Рыбушкин М. С. Казань (продолжение) // Заволжский муравей. 1833. № 17. С. 957–963.

Слэзкин Ю. Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М. Новое литературное обозрение, 2008. 512 с.

Созина Е. К. Репрезентация Восточной России на страницах казанского журнала «Заволжский муравей» (1832–1834) // Литературный процесс в региональной периодической печати 1830–1930-х гг.: от «Заволжского муравья» к «Уральскому рабочему». Екатеринбург: «Кабинетный ученый», 2016. С. 242–278.

Соловей Т. Д. Николай Иванович Надеждин. У истоков отечественной этнологической науки // Этнографическое обозрение. 1994. № 1. С. 103–107.

Тихонова М. С. Дом Фуков – центр казанской интеллигенции: от литературных вечеров к губернскому салону // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. 2015. № 1. С. 133–138.

Фукс А. Письма из Москвы в Казань // Заволжский муравей. 1833. № 15, август. С. 813–832.

Фукс А. Основание города Казани. Повесть в стихах, взятая из татарских преданий. Казань: тип. Имп. Казанского ун-та, 1836. XXXIX, 136 с.

Фукс А. А. Записки Александры Фукс о чувашах и черемисах Казанской губернии. Казань: тип. Имп. Казанского ун-та, 1840. 329 с.

Фукс А. Княжна Хабиба, повесть в стихах, взятая из татарских преданий. Казань: тип. Имп. Казанского ун-та, 1841. 64 с.

[Фукс А. А.] Поездка к вотякам Казанской губернии (Письма А. А. Фукс к супругу ее, К. Ф. Фуку) // Прибавления к Казанским губернским ведомостям. 1844. № 14, с. 209–213; № 16, с. 241–244; № 17, с. 257–264; № 19, с. 287–292; № 22, с. 337–338; № 26, с. 389–393; № 29, с. 431–432. https://echznbchr.blogspot.com/p/blog-page_7.html (Периодика дореволюционной Чувашии).

Эриксен Т. Х. Что такое антропология? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2014. 240 с.

Поступила в редакцию 04.04.2020

Созина Елена Константиновна,
доктор филологических наук, профессор
Институт истории и археологии Уральского отделения РАН
620990, Россия, г. Екатеринбург, ул. С. Ковалевской, 16
E-mail: elenasozina1@rambler.ru

E. K. Sozina

**“BETWEEN EUROPE AND ASIA.” ORIENTALIST NARRATIVES OF ALEXANDRA FUCHS:
THE RHETORIC OF WRITING AND THE AUTHOR’S POSITION**

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-465-475

The article discusses ethnographic essays and novellas in the poems by Alexandra Andreevna Fuchs. The wife of a famous professor Karl Fuchs, she was resident of Kazan, hosted a literary salon, which was frequented by many local and visiting writers and poets, and met with Alexander Pushkin during his stay in the town. Alexandra Fuchs became the first Russian ethnographer writer; she purposefully traveled to places where the Chuvash, Mari (Cheremis), and Udmurts (Votyaks) lived, and wrote essays about the life, daily routine, manners and customs of these peoples drawing on her personal observations. Her essays took the form of letters and were often accompanied by response letters from her husband. They were published in the Kazan magazine *Zavolzhsky Muravey* [*Zavolzhsky Ant*], in the regional newspaper *Kazanskie gubernskie vedomosti* [*Kazan Provincial Gazette*], as well as in a number of separate books. The article analyzes the rhetorical peculiarities and author’s position of Alexandra Fuchs’ essay writing. The analysis also involves ethnographic-fiction novellas (poems) by A. Fuchs, taken, according to her, “from the Tatar tradition”: ‘Princess Habiba’, ‘Founding of the city of Kazan’, a comment to which was written by her husband. These works fit into the tradition of the “Eastern novella”, popular in Russia since the eighteenth century. Depicting the exotic life of ancient Tatars and the peoples neighboring Kazan, Alexandra Fuchs sought to reconcile the orientation of the region to the East with the Orthodox-Imperial ideology which (in her view) was more advanced and progressive. Her sympathies as the author lay with female characters who contradicted traditional Muslim customs. Alexandra Fuchs’ essays and tales

played a considerable role in awakening the interest of a Russian reader to the peoples of the empire, which preceded the mid-19th century rise of ethnography in science and literature.

Keywords: ethnographic essays, orientalist literature, Alexandra Fuchs, narrative strategies, travelogue, poem, Chuvash, Cheremis, Udmurts.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 3, pp. 465–475. In Russian.

REFERENCES

- Agafonov B.** Kazanskii poety [Kazan poets]. *Istoricheskii vestnik* [Historical Bulletin]. 1900. № 8. P. 586–598. In Russian.
- Aliev I. A.** A. A. Fuks (Apehtina). Chast' 1, 2 [A. A. Fuks (Apehtina). Part 1, 2]. *Nemetskii dom respubliki Tatarstan* [German House of the Republic of Tatarstan]. URL <https://www.nd-rt.ru/2010/05/25/a-a-fuks-apextina-chast-i/>, <https://www.nd-rt.ru/2010/05/26/a-a-fuks-apextina-chast-ii/> (accessed 20.12.2019). In Russian.
- Aristov V., Ermolaeva N.** *Vse nachalos' s putevoditela....: poiski literaturnye i istoricheskie* [It all started with a guidebook....: literary and historical searches.]. Kazan, Kazan University Publ., 1975. 220 p. In Russian.
- Aristov V. V.** Zhurnal «Zavolzhskii muravei» i ego avtory [Zavolzhsky Ant magazine and its Authors]. *Kazanskaya Periodicheskaya Pechat' XIX – nachala XX veka: Bibliograficheskie ukazateli* [Kazan Periodical Press of the XIX-early XX Century: Bibliographic indexes]. Kazan, Kazan University Publ., 1991. P. 5–18. In Russian.
- Bobrov E. A.** Fuks i kazanskii literaturny 30–40-kh godov [A. A. Fuks and Kazan Writers of the 30-40s]. *Russkaya starina* [Russian Antiquity]. 1904. June. P. 482–509; July-August-September. P. 5–35. In Russian.
- [Vtorov N. I.]** Literaturnyi vecher v dome K. F. Fuksa [Literary Evening in the House of K. F. Fuchs]. *Kazanskii gubernskie vedomosti. Chast' neofitsial'naya* [Kazan Provincial Vedomosti. Part of the unofficial]. 1843. № 48. In Russian.
- [Vtorov N. I.]** Vtoroi Literaturnyi vecher v dome K. F. Fuksa [The second Literary Evening in the House of K. F. Fuchs]. *Kazanskii gubernskie vedomosti. Chast' neofitsial'naya* [Kazan Provincial Vedomosti. Part of the unofficial]. 1843. № 50. In Russian.
- Zhirumskii V. M.** *Bairon i Pushkin* [Byron and Pushkin]. Leningrad, Nauka Publ., 1978. 424 p. In Russian.
- Zagrebin A. E.** *Finno-ugorskie etnograficheskie issledovaniya v Rossii: (XVIII – pervaya polovina XIX v.)* [Finno-Ugric Ethnographic Studies in Russia: (XVIII – first half of the XIX Century)]. Izhevsk, Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2006. 321 p.
- Lebedeva O. B.** Narrativnaya struktura «Pisem russkogo puteshestvennika» v svete natsional'noi povestvovatel'noi traditsii [Narrative Structure of the "Letters of the Russian Traveler" in the light of the National Narrative Tradition]. *Karamzin i vremya* [Karamzin and Time]. Tomsk, Tomsk University Publ., 2006. P. 37–58. In Russian.
- Nait N.** Nauka, imperiya i narodnost': Etnografiya v Russkom geograficheskom obshchestve, 1845–1855 [Science, Empire and Nationality: Ethnography in the Russian Geographical Society, 1845–1855]. P. Vert, P. S. Kabytov, A. I. Miller, ed. *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: antologiya* [Russian Empire in Foreign Iistoriography. The Works of Recent Years. The Anthology]. Moscow, New Publishing House, 2005. P. 155–198. In Russian.
- Piksanov N. K.** *Oblastnye kul'turnye gnezda: Istoriko-kraevednyi seminar* [Regional Cultural Nests: Local History Seminar]. Moscow, Leningrad, State Publishing House, 1928. 148 p. In Russian.
- Ponomarev P. A.** Kazanskaya periodicheskaya pressa. «Zavolzhskii muravei» [Kazan Periodical Press. "Zavolzhsky Ant"]. *Kazanskii literaturnyi sbornik* [Kazan Literary Collection]. Kazan, M. A. Gladysheva Publ., 1878. P. 177–222. In Russian.
- Prokof'eva A. G.** Orenburgskie motivy v tvorchestve poeta nachala XIX v. A. P. Kryukova [Orenburg Motives in the Works of the Poet of the Early Nineteenth Century A. P. Kryukov]. *V mire nauki i iskusstva: voprosy filologii, iskusstvovedeniya i kul'turologii: sbornik statei. Chast' 2* [In the World of Science and Art: Questions of Philology, Art Criticism and Cultural Studies. Collection of articles. Part 2]. Novosibirsk, Sibak Publ., 2014. P. 94–99. In Russian.
- P. Vert, P. S. Kabytov, A. I. Miller,** ed. *Rossiiskaya imperiya v zarubezhnoi istoriografii. Raboty poslednikh let: antologiya* [Russian Empire in Foreign Iistoriography. The Works of Recent Years. The Anthology]. Moscow, New Publishing House, 2005. 695 p. In Russian.
- Rybushkin M. S.** Kazan' (prodolzhenie) [Kazan (continued)]. *Zavolzhskii muravei* [Zavolzhsky Ant]. 1833. № 17. P. 957–963. In Russian.
- Slezkin Yu.** *Arkticheskie zerkala: Rossiya i malye narody Severa* [Arctic Mirrors: Russia and the Small Peoples of the North]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. 512 p. In Russian.
- Sozina E. K.** Representatsiya Vostochnoi Rossii na stranitsakh kazanskogo zhurnala «Zavolzhskii muravei» (1832–1834) [Representation of Eastern Russia on the pages of the Kazan's Magazine "Zavolzhsky Ant" (1832–1834)]. *Literaturnyi process v regional'noi periodicheskoi pechati 1830–1930-kh gg.: ot «Zavolzhskogo murav'ya» k «Ural'skomu rabochemu»* [Literary Process in the Regional Periodical Press of the 1830s–1930s: from "Zavolzhsky Ant" to "Ural Worker"]. Ekaterinburg, «Kabinetnyi uchenyi», 2016. P. 242–278. In Russian.

Solovei T. D. Nikolai Ivanovich Nadezhdin. U istokov otechestvennoi etnologicheskoi nauki [Nikolai Ivanovich Nadezhdin. At the Origins of Russian Ethnological Science]. *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 1994. № 1. P. 103–107. In Russian.

Tikhonova M. S. Dom Fuksov – tsentr kazanskoi intelligentsii: ot literaturnykh vecherov k gubernskomu salonu [House of Fuchs as the Center of the Kazan Intelligentsia: from Literary Evenings to the Provincial Salon]. *Vestnik Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kazan State University of Culture and Arts]. 2015. № 1. P. 133–138. In Russian.

Fuchs A. Pis'ma iz Moskvy v Kazan' [Letters from Moscow to Kazan]. *Zavolzhsii muravei* [Zavolzhsky Ant]. 1833. № 5. P. 813–832. In Russian.

Fuchs A. *Osnovanie goroda Kazani. Povest' v stikhakh, vzyataya iz tatarskikh predanii* [Foundation of the Kazan Town. A Story in Verse, taken from Tatar Traditions]. Kazan, Kazan University Publ., 1836. XXXIX, 136 p. In Russian.

Fuchs A. A. *Zapiski Aleksandry Fuks o chuvashakh i cheremisakh Kazanskoi gubernii* [Notes of Alexandra Fuks about the Chuvash and Cheremis of the Kazan Governorate]. Kazan, Kazan University Publ., 1840. 329 p. In Russian.

Fuchs A. *Knyazhna Habiba, povest' v stikhakh, vzyataya iz tatarskikh predanii* [Princess Habiba, a Story in Verse, taken from Tatar Traditions]. Kazan, Kazan University Publ., 1841. 64 p. In Russian.

[Fuchs A. A.] Poezdka k votyakam Kazanskoi gubernii (Pis'ma A. A. Fuks k supruge ee, K. F. Fuksu) [Trip to the Votyaks of the Kazan Governorate (Letters of A. A. Fuchs to her Husband, K. F. Fuchs)]. *Pribavleniya k Kazanskim gubernskim vedomostyam* [Additions to Kazan Provincial Vedomosti]. 1844. № 14, p. 209–213; № 16, p. 241–244; № 17, p. 257–264; № 19, p. 287–292; № 22, p. 337–338; № 26, p. 389–393; № 29, p. 431–432. In Russian.

Eriksen T. H. *Chto takoe antropologiya?* [What is anthropology?]. Moscow: Ed. House of the Higher School of Economics, 2014. 240 p. In Russian.

Received 04.04.2020

Sozina Elena Konstantinovna,

Doctor of Philology, Professor

Institute of History and Archaeology, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences

S. Kovalevskoy st., 16, Yekaterinburg, 620990, Russian Federation

E-mail: elenasozina1@rambler.ru